
ЁЖИК
1
СТАРЫЙ НОВЫЙ МИР
АЛЕКСАНДР КОСТЕНКО
18+

Ёжик

Александр Костенко

Ёжик. Старый новый мир. Книга 1

«Автор»
2026

Костенко А. А.

Ёжик. Старый новый мир. Книга 1 / А. А. Костенко — «Автор», 2026 — (Ёжик)

В прошлом – военный, утром – любящий муж и заботливый отец, днём – предприниматель. А вечером – мертвец.Час назад я закрыл успешную сделку, пять минут назад выстрел оборвал все мои планы, а теперь я весь в жёлтой слизи кое-как выбрался из капсулы. В помещении этих капсул сотни, вокруг серые бетонные стены, в ангаре этого бункера машины с пулемётами на крышах, а за массивными створками мир иной, другой. И враждебный, иначе бы позади меня не лежали трупы.Раньше мой день был расписан по минутам, а теперь я должен выжить и по крупицам выяснить, где я, что вообще происходит в этом новом мире, и где найти энергию для бункера, чтобы защититься от зверей размерами с дом. И для этого у меня есть всё необходимое: мой опыт, знания, навыки. И мой позывной.

© Костенко А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Александр Костенко
Ёжик. Старый новый мир. Книга 1

Глава 1

– Мне тоже на войне ногу отстегнуло, но я же не бухаю, – я гневно выпалил в телефон.

Сегодняшний день просто не может стать хуже. Жена ночью подскочила с кровати и помчалась в туалет. Её обильно прополоскало, а к утру она вдруг вспомнила про задержку в три недели. У нас трое детей, мы и без теста на беременность всё прекрасно поняли и решили вечером всё обсудить, а тут пришла дочурка и самым честным голоском заявила, что забыла сказать о родительском дне в школе. У старшего сына сегодня после обеда первое занятие в техническом клубе, младшего вечером из садика забирать. А ещё у меня вечером встреча с клиентом, ради выхода на него я месяцами себе жилы рвал. Его компания в год строит сотни зданий и одним заказом спокойно сожрёт половину моей месячной продукции. И тогда мои планы о расширении производства превратятся в реальность.

Утром с женой решили, что дети сегодня на ней, я только старшего сына в клуб отвезу. Тем более что сегодня отгрузка четырёх полных фур, линия производства неделю на склад работала. И, подъезжая к огороженному металлическим забором цеху, я не сдержал улыбку при виде фур на стоянке. Но тут же улыбку стёр. Рабочий день начался полчаса назад, фуры не у погрузочного «окна», работники все задумчивые и взгляд отводят, а под навесом стоит погрузчик без мясной прокладки между сиденьем и рулём.

– Ты понимаешь, из-за этого утырка я в ситуацию попал? Про бабло вообще молчу, – процедил я в трубку. Хотелось не ругаться матом, а разговаривать им, но я давно не на «передке», тут приходится держать себя в «мирном состоянии».

– Ёжик, ну пойми, его ж жена бросила, – Смычка ответил взволнованно.

– И чё? Дикого, вон, тоже самка кинула, так ещё и инвалидные прихватила. И ничего, он даже не подумал бухать. Через суд всё вернул и дальше живёт, и хорошо живёт, новую девку нашёл. Никто из наших не бухает, ты сам это знаешь.

– Слушай, Ёжик, но ради меня…

– Ради тебя я этого пса и взял к себе. У меня на столе лежали бумаги работяги: пять лет стажа на погрузчике, золото, а не мужик. И тут твой звонок, выручи нашего «ваени-брата», он тоже посадки собой удобрял. Сразу в этот же день его оформил. И что теперь? У меня встало всё! Ты понимаешь, если сегодня фуры до вечера не уедут, то я могу закрываться. Меня по неустойкам до трусов разденут и протез заберут, а всё из-за этого пса.

– Может, передумаешь, а? – удручённо произнёс голос в телефоне. – Сам же знаешь, нам тяжело работу сейчас найти.

– Знаю, брат. Знаю. Вот только у Дикого минус рука с ногой, у меня с Архатом и Белкой по ноге нет. И ему как-то плевать на всё это. Взял, как свинья выбухался, не дозвониться даже. И не в первый раз подставляет, сам знаешь, – я прервался и тяжело вздохнул. – Дозванивайся до него сам. Его на проходной трудовуха будет ждать, подпишет заяву, и пусть валит нахер. И пусть не ноет, водку ему в глотку никто не заливал.

Я попрощался и положил трубку. Разговор со Смычкой шёл короткие десять минут, а ведь десять лет назад в одном блиндаже сутками молчали. А о чём говорить, когда твой опорник артой и дронами разбирают? Разве что матом врага обложить, потому что косые идиоты: сто прилётов, а всё мимо.

Время близилось к десяти, а фуры с погрузчиком с места не сдвинулись. Я стоял недалеко от входа в цех и ловил себя на мысли, что жутко хочется курить. Бросил, когда жена старшего

сына носила под сердцем, а сейчас от всей этой нервотрёпки под ложечкой засосало. Хочется какого-то спокойствия и определённости. Иной раз по «передку» скучаю, там хоть понятно, что и как делать. Не это ли старость?

– Это, Ёжик, – ко мне приковылял мужик под сорок лет, прихрамывая на левую ногу. – Ну чего ты сиськи мнёшь? Справимся мы с этой хернёй, ну, – он махнул в сторону погрузчика.

– Конечно, справитесь, но отъезжать в тюрячку я не хочу, – я начал загибать пальцы. – Документы, права, проверка здоровья, договор, техника безопасности. Чуть что случится, Белка, и по этим всем пунктам меня вздёрнут кверху ногами.

– Да ничего не случится, ну.

– Да. Потому что я уже вызвал замену. Помнишь, ты катался, ребятам помогал периметр настраивать, – я пальцем показал на камеру над входной дверью, намекая на видеонаблюдение. – Вот у них есть работяга со всеми документами, скоро приедет.

– Ну и ладно тогда, – Белка понимающе закивал и покосился на погрузчик. – Шестой раз за месяц, да? Свинья. Будешь искать замену?

– Тот мужик, который к нам приходил, пять лет стажа. Он работу ещё не нашёл, готов завтра же выйти на смену.

– Отлично тогда, – Белка ухмыльнулся и похлопал себя по левому бедру, пластиковая чаша протеза отозвалась глухим стуком. – Слушай, я тут сегодня на свиданку собрался. Хочу быть в лучшем виде. Ногу не одолжишь?

– Да забирай насовсем, не жалко, – я усмехнулся и хотел ещё что-то сказать, но из проходной вышел охранник и крикнул, что сменщик приехал. Уже через десять минут погрузчик резво вырулил из-под навеса, а первая фура аккуратно развернулась прицепом к погрузочному «окну».

Ещё утром, узнав о случившемся, я сперва позвонил работяге и нашёл замену на сегодня. И только потом принялся дозваниваться до синего тела, подставившего меня и весь коллектив. Теперь уже плевать на него, сейчас главное – отправить груз до вечера и не облажаться на встрече с будущим закупщиком.

Днём пришлось на час остановить производственную линию. Один из станков заглючило, я уже сам подумывал забухать от навалившихся неприятностей, но всё обошлось. Дальше всё шло обыденно, но из-за всей этой нервотрёпки я едва не забыл про старшего сына и его клуб, благо опоздал всего на несколько минут. А вечером в офисе будущих заказчиков всё прошло замечательно. Пообщался не только с замом директора, но и с самим гендиром. Повезло, что он решил лично заглянуть на встречу, потому что месяц назад на выставке заметил стенд моей фирмы. Они согласились сотрудничать, оставалось договориться об объёмах и сроках.

Домой вернулся поздно, по темноте, осенью вечереет рано. Я остановил машину возле подъезда, заглушил двигатель. И опёрся на руль, отрешённо глядя на облетевший куст сирени, покачивавшийся от ветра. С каждым днём наваливается всё больше дел, и если бы не протез ниже правого колена, то про штурмы лесопосадок и городов я бы и вовсе не вспоминал. У меня хорошая жена, прекрасные дети и успешный бизнес: у меня в подчинении сотня с небольшим работников, и многим братишкам с работой помог – зарплатой их не обижаю, а они меня не обижают косяками на работе.

Но чем больше наваливается дел и проблем, тем чаще я вспоминаю давно ушедшие дни: грохот прилётов, крики приказов, жужжание дронов, грохочущие плевки автоматов и рёв брони. Начал младшим сержантом, штурмуя опорники и деревни, потом получил в командование отделение, затем взвод, а закончил всё старшим лейтенантом с ротой в подчинении. И закончил, штурмуя очередную деревню, потому что людей не хватило, много выбило санитарными, а надо было взять это проклятое «бабкосело». Вот и разменял его на свою правую ногу. И каждый раз, стоит навалиться проблемам, и я невольно начинаю сожалеть, что первым пошёл к тому полуразрушенному дому. Кто ж знал, что там успели скинуть с дрона замаскированную

под кирпич мину, а я случайно запнусь о камень и поставлю ногу вовсе не на землю. Но, в то же время, я просто не мог пустить вперёд себя пацанят своих. Просто не мог.

И каждый раз, как навалятся дела, закоулки сознания рождают крамольную мысль, что на войне было лучше. И каждый раз я эту мысль выжигаю огнём. Может быть, войной и я наслаждался, но война – это всегда нехорошо.

Пиликнула сигнализация машины, моргнули фары. Я пошёл домой. Металлическая дверь подъезда распахнулась в метре передо мной. Уши заложило от громкой несвязанной ругани об увольнении, в нос ударил стойкий запах перегара. Перед лицом покачивалось эхо войны, его дуло смотрело строго мне в лоб, предохранитель опущен. Позади пистолета – опухшее от водки и перекошенное от злобы лицо.

– Ну и сучий же ты выродок, – только и успел сказать я, прежде чем пистолет гаркнул огнём.

Тьма забрала меня быстро. Моментально. Тягучая, густая, плотная. И пустая. И была она такой до низкого прерывистого писка. Он перерос в гул и прекратился. Что-то зажужжало, затряслось, вязкая тьма колыхнулась водой и зажурчала сливаемая с ванной. Холод появился где-то сверху и пошёл вокруг меня. Новое жужжание, лёгкая тряска, щелчки лопающейся резины.

Электрический разряд вспышкой разорвал тьму. Я попытался вздохнуть, но мешали торчавшие изо рта и носа трубки. Сознание начало темнеть, ослабшими руками я едва ухватился за них, с трудом вытягивая. Они больно шкрябали гранями по моему нутру. С чпокающим звуком первые две трубки выскочили из ноздрей, следом вышла третья – изо рта, и все три шнурками втянулись в светло-бежевую стенку. Меня вырвало после первого же вдоха. Судорожно выблёвывая желтоватую жидкость, я перевернулся набок и чуть не упал, наполовину свесившись с какой-то металлической платформы. С лёгким гулом из неё выехал небольшой ящик. Вид его содержимого кувалдой пробил моё сознание, заставив оторвать взгляд от кафельного пола.

Редкие светильники освещали огромный бетонный зал с сотней рядов горизонтальных светло-бежевых капсул чуть выше человеческого роста, но открытых только две. В соседней капсуле на продавленной оранжевой подкладке лежала скрюченная мумия. Высохшая кожа обтянула кости, пустые глазницы в немой мольбе смотрели в потолок, а руки беспомощно сжимали трубки. Две в носу и одна во рту.

Меня пробил озноб, я ощупал себя и убедился, что изо рта ничего не торчит. И дрожащими руками потянулся к голове. Лоб и затылок целы, но звук выстрела же был! От воспоминаний мне сдавило дыхание, взгляд заметался, ноги подогнулись, тело на инстинктах собралось спрятать себя в тёмный угол, спастись от опасности. Я быстро задышал, специально, насыщая кровь кислородом. А седьмой вдох сделал медленным и глубоким, и так же медленно выдохнул. Потом повторил, ещё раз, и ещё.

К седьмому медленному выдоху «слонячка» отступила, мандраж прекратился. И хорошо, что к седьмому. Когда едешь внутри «брони» и слышишь разрывы снарядов и щёлканье осколков по броне, то невольно начинаешь считать это нормальным. И когда гонишь на электробайке, уворачиваясь от дронов – тоже считаешь это нормальным. И теряешься, если броню не кроет арта, а на тебя не охотятся дроны. Появляется мандраж, ведь всё идёт не по плану. И простое дыхательное упреждение «семь-на-семь» успокаивает. А в неизвестном месте в компании с истлевшим жмуриком мне следует оставаться спокойным, по крайней мере, пока не отвечу на три вопроса: где я, что с моей семьёй, и какого хрена моя правая нога со мной?

В выехавшем из платформы ящике лежали трусы с носками, камуфляжный костюм жёлто-зелёной расцветки и шикарные светло-оливковые ботинки. На фронте за такие даже я бы подрался. А ещё в ящике заботливо уложена стопка полотенец, а я весь в какой-то жило-

ватой слизи, её солоновато-приторный привкус растительного масла застрял в глотке и забил нос. Сколько ни старался высморкаться, а всё без толку.

Я кое-как смог распрямиться на дрожащих ногах. Во всём теле чувствовалась слабость, даже дистрофичность. Руки слишком тонкие, мышцы едва проступают под кожей. А ещё пяти полотенец не хватило, чтобы вытереть водянистую слизь. Повезло, что у открытой рядом капсулы тоже выдвинут ящичек. Вместо камуфляжного костюма в нём лежали юбка, туфельки и рубашка с пиджаком.

Камуфляжный костюм сидел на мне как влитой, только плечах чуть болтался. А ботинки так вообще будто на заказ сшиты. А на меня ли? Пока одевался – прокручивал в голове вопросы о появившейся правой ноге и непонятных капсулах. Даже «мысля» родилась, что всё это трэшевый сон умирающего разума, а я сейчас валяюсь около подъезда с простреленной головой, или сразу не помер и в больничке овощем «откисаю». Вот только вряд ли во сне будут саднить глотка и нос от вытащенных трубок.

Гладкая поверхность капсул на постукивание отвечала дребезжанием. Они казались мне пустыми, без этой самой слизи, поэтому я отправился в конце зала к двери. Привычной ручки нет, зато есть две вертикальных красных рукояти, которые не поддавались. Я едва смог расшатать их, вспотев и вымотавшись до тремора.

Рукояти с щелчком встали горизонтально, и дверь с протяжным писком открылась. Пот на моей спине тут же высох, кулаки непроизвольно сжались, взгляд заострился.

На противоположной от двери стене на уровне глаз – широкая клякса с подтёками до самого пола. И тёмный размазанный след, виляющий бороздкой по широкому коридору. Я ни с чем не спутаю след запёкшейся крови. Её вид что-то отключил во мне: я будто вновь очутился на войне, мысли исчезли, рефлексы обострились.

Я осторожно вышел в коридор. Тусклые оранжевые светильники едва рассеивали мрак. На полу рядом с дверью бетонное крошево, а серая стена выдолблена до твёрдой и прочной начинки: на ощупь как пластик, а на удары ногтя звенит металлом. Вся стена толщиной в метр, половину из которой занимала прочная начинка, и дверь толщиной в локоть.

Есть три вопроса: я не пойми где, зачем и куда. Вопрос «зачем» – риторический. На вопрос «где» ответ получится дерьмовым. Но вот ответ на вопрос «куда» расположен в конце кровавого следа, у двух металлических дверей. Сбоку на стене от них две кнопки и давно потухший экранчик. Кнопки щёлкали и не реагировали, а стучать в двери глупо, ведь это может услышать любитель пачкать стены чужими мозгами.

Сам коридор идёт квадратом. В центре внешних стен по двери, единственная открытая вела в недавний зал с капсулами, а в углах – лифты и открытые пластиковые двери с тусклым оранжевым полумраком и пролётами лестниц вверх и вниз. Если посмотреть в узенькую щель между лестницами, то внизу – кромешный мрак. Наверху света побольше.

– *Обычная ступенька высотой, примерно, двадцать сантиметров*, – вскоре с придыханием произнёс я, утерев со лба пот. Шедшая с комплектом одежды футболка намокла и прилипла к спине. В каждом пролёте по тридцать ступенек, их пройдено двадцать четыре. Чуть больше ста метров подъёма, а я едва не подыхал от слабости. Хрен его знает, что там в этой капсуле со мной произошло и я всё ли ещё я, но эта слабость непривычна. А ещё в горле першило, хотелось прополоскать его и избавиться от солёно-приторного привкуса.

С трудом справившись с подъёмом, я некоторое время переводил дух перед открытой двойной дверью. За ней – коридор, разветвляющийся на несколько проходов. На полу – следы волнистого рисунка подошв разных размеров, ведущие к неработающему лифту, под потолком яркие светильники, бетонные стены выкрашены в персиковый и вереница запертых дверей по обе стороны. И возле каждой из дверей стену долбили, явно пытаясь пробраться внутрь закрытых комнат.

Я вернулся к лестнице, привычно прихрамывая на правую ногу, чтобы через восемь пролётов подняться на очередную лестничную площадку. Она, поднимавшиеся дальше ступеньки и коридор за площадкой – все покрыты отпечатками ботинок, измазанных чем-то похожим на машинное масло. А ещё в коридоре гулким эхом отдавались голоса. Лифт не работает, ближайшие двери закрыты, стены там разломаны. Но дальше по коридору одна из дверей спряталась внутрь уцелевшей стены с четырьмя небольшими отверстиями от шурупов, расположенных прямоугольником: такие есть вообще на стене у каждой двери. Внутри просторное помещение полностью пустое, лишь голые бетонные стены и металлическое ведро с крышкой. Даже сквозь забитый нос прорывались запахи нужника.

Я пошёл дальше по коридору, к эху голосов, к насмешливому и едкому женскому гоготу. У одного из поворотов главного коридора замер. Напротив открытой двери на стене плясали тени, а к женскому гоготу примешались сдавленные вскрики. За открытой дверью помещение гораздо меньше зала с капсулами, но в него уместились бы койки для десятков солдат. У дальней левой стены десять лежаков из засаленных перин и широкий стол с продолговатыми флягами-термосами, небольшими контейнерами и остатками прозрачной пластиковой упаковки. Напротив входа – рабочая панель с кнопками и перемигивающиеся строчками синевато-серые экраны. Женщины гоготали в правой части комнаты. Их было четыре, с засаленными короткими стрижками и в прошитой металлическими заплатками сероватой джинсе. У одной из женщин, жирной, поверх джинсовой куртки плотный оранжевый жилет из кожи. Все смеялись, запинывая девушку в серых мешковатых обносках. Она свернулась калачиком и всхлипывала, а чуть поодаль без движений лежала покрытая синяками женщина.

Я пошёл обратно к лестнице. Не знаю, почему тех двух избивают, но мне вылезать глупо. У жирной на поясе ничего нет, но у остальных троих там висит кобура. И я не хочу, чтобы её содержимое направили на меня.

Через четыре пролёта лестница закончилась открытой дверью. Звуки остались на этаже ниже, но я всё равно пошёл по мазутным отпечаткам обуви, заглядывая в редкие открытые и вычищенные комнаты.

Следы петляли по коридорам к настолько широкому ангару, что звук моих шагов в нём отдавался эхом. Напротив закрытых ангарных створок стояли три выкидыша партизанской войны. Два седана с вынесенными из-под кузовов широкими колёсами. Между ними – тягач с прицепом и упоротым граффити на его бортах: четырёхглазый клыкастый череп давило оранжевое колесо. У седанов нет задних сидений, приборная панель из сплошного экрана, а на задней части крыш по закованному в станок крупному пулемёту. Конец ленты с патронами обнажён, и они какие угодно, но не холостые. На прицепе тягача вообще угловатая танковая башня и крупный пулемёт на крыше кузова. Его углы прямые, у первого седана углы кузова сглажены, а второй напоминает треугольник с вытянутым капотом раздувшегося спортивного болида. Как раз под этим седаном растеклась чёрная лужа масла. И от него же следы подошв тянулись в коридор.

Двери седанов не заперты, салоны пропахли немытыми телами, а в бардачках ничего интересного. Один багажник оказался закрыт, зато во втором под слоями тряпья и одежды из сероватой джинсы нашёлся набор гаечных ключей. Самый большой и с широкой головкой приятно утяжелял руку. Я заткнул его себе за пояс.

В просторном салоне тягача позади водительского сиденья могла бы разместиться двухспальная кровать, но стоял столик с тремя креслами и дверь к прицепу. В настенных шкафчиках напротив кресел нет ничего полезного. Я только заприметил несколько толстых обручей размером с человеческую шею, экранчиком на одной стороне и утолщением на другой. Странная херня, но ей далеко до насмешки над здравым смыслом, свисающей с зеркала заднего вида.

На закованной в тонкий пластик фотографии – изнеможённый голый мужик лет пятидесяти, весь покрытый синяками, а на его шее блестел тот самый обруч с экранчиком. Мужик

стоял, чуть расставив ноги, с десятком привязанных к бёдрам дилдаков и отрезанным под корень членом. А рядом с фотографией как раз висел засушенный мужской член.

Если у меня и оставались скудные надежды договориться с теми бабами, то теперь они издохли. Если человек использует кусок другого человека как украшение, то разговаривать с таким – всё равно что горло бешеной собаке подставлять.

Впрочем, на этом дерьмо не окончилось: я увидел своё отражение. Я увидел свои русые волосы, карие глаза, мощные надбровные дуги и широкую челюсть, но нет седины, нет шрама на левом виске от шального осколка. В зеркале отражался я времён первых курсов института. Что это за, мать его, ангар, что за коридоры, и кто вообще мог повесить себе в машину такое? Да и, вообще, что…

Мысль прервали голоса из конца ангара. Я уже хотел нырнуть под кузов, но у седана течёт внутрянка, нагнётся хоть кто посмотреть – и хана. Забираться на прицеп сейчас тоже не вариант, тягач стоит далеко от входа в ангар и меня заметят. Я залез в нишу между кузовом тягача и прицепом.

Три бабы шли к машинам, что-то балакая на невнятной тарабарщине. Жируха с оранжевым жилетом, коренастая с широкими плечами и долговязая с длинными руками. Больше всех надрывала глотку жируха, что-то рассказывая и показывая на свои ботинки, а две другие поддакивали ей смешками. Вскоре они подошли к машинам, и я как можно быстрее забрался на крышу, напрягая ослабшие руки. И аккуратно подполз к краю.

Две бабы подошли к протёкшей машине, обсуждая разлившуюся лужу и показывая на неё руками. Жируха же забралась в кузов тягача. И рылась там, пока не выглянула с тем самым обручем. Коренастая из двоицы с ухмылкой показала, как душит себя, потом рукой будто зачерпнула что-то около задницы и начала это есть. Жируха и долговязая одобрительно закивали. Долговязая вдруг хлопнула в ладоши, чего-то быстро забалакала и показала на центр ангара, прокрутив пальцем круг. Жируха отмахнулась.

Долговязая продолжила балакать, и жируха сдалась. Она приложила большой палец к экранчику обруча и нажала кнопку в нижней части заднего утолщения. Экран моргнул оранжевым, обруч с тихим пиликаньем разошёлся на утолщении, чтобы затем защёлкнуться на шее долговязой. Её дёрнуло, глаза зажмурились, лицо на секунду скривилось от боли. Экранчик тускло засветился зелёным. Жируха показала на центр ангара и что-то гаркнула, долговязую тут же дёрнуло, и та принялась наворачивать круги.

– Арт, – выкрикнула жируха. Экранчик ошейника моргнул синим, и долговязая резко остановилась, ловя воздух широко раскрытым ртом.

– Гурна, – от нового окрика экранчик опять моргнул синим, баба побежала.

С минуту долговязая бегала и останавливалась, пока с неё не сняли обруч. Ту тряхнуло, как от электрического разряда, долговязая ухватилась обеими руками за заднюю часть шеи и что-то запричитала. Потом её опять дёрнуло, она закатила глаза, томно прикусила губу и тяжело задышала. Её ноги задрожали, она чуть согнулась и помчалась к выходу из ангара. Жируха ей что-то крикнула вслед и показала на коренастую, но долговязая лишь отмахнулась.

Жируха сама отправилась к выходу, помахав обручем перед коренастой. Та в ответ показала на разлившуюся лужу и кивнула на скрывшуюся в проходе долговязую. Коренастая залезла под днище машины. Я воспользовался тем, что в сторону тягача никто не смотрел и спустился в нишу, решив не упускать отличный шанс: если я правильно понял недавние жесты – времени у меня немного.

Вскоре жируха вышла из ангара, а коренастая вылезла из-под машины и отправилась к открытому багажнику, что-то раздосадованно бормоча. Она громыхала инструментом в багажнике, переворачивала тряпки и ругалась, не замечая моего приближения. Я откровенно не понимаю произошедшего за последнее время, но одно знаю наверняка – если миндальничать, то вместо пахучей ёлочки на лобовом стекле будет болтаться уже мой член.

– *Тук-тук!* – утробно пробасил я, потянув за плечо коренастую. Та с испуга аж подпрыгнула и развернулась. Головка ключа с хрустом влетела ей в висок. Баба что-то пролепетала, закатила глаза и осела на пол, чтобы получить ещё один удар, и ещё, пока в её виске не образовалась приличная вмятина.

Я подцепил тряпку с багажника и утёр лицо от брызг крови, а потом стёр капли с пола и машины. Затем обмотал тряпку вокруг раздробленной головы, чтобы кровь не сочилась, и с трудом запихал бабу под кузов с дальней от выхода стороны, оставив торчать ноги по пояс. Всё оформлено как надо, но меня могла «спалить» пропажа серовато-красного содержимого кобуры. Но если туда запихать серую тряпку с кровавыми отметинами, то выйдет сносно. Гаечный ключ – это хорошо, но пистолет лучше. Угловатый, но легче обычного.

С кнопкой на рукояти у спускового крючка я разобрался сразу, вытащив магазин: он полон, но сами патроны хоть и обычного размера, но пуля больше, а гильза меньше. С двумя переключателями на раме сильно сложнее: там предохранитель и замыкатель, чтобы затвор оставался откинутым, если магазин опустеет. И кто из них кто?

От раздавшегося голоса со стороны выхода я дёрнулся, крепко сжав рукоять пистолета. Из-под днища в дверях ангара виднелись ноги долговязой. Она опять что-то сказала, у меня похолодело внутри. Стараясь срочно придумать хоть что-то, я не нашёл ничего лучше, чем сильно стукнуть ключом по днищу машины и парочку раз легонько постучать. Со стороны прохода донеслось раздражённое ворчание.

Долговязая шла к машинам медленно и степенно. Её щёки покраснели, глаза блестели, а грудь вздымалась от глубоких вдохов. А ещё долговязая несколько раз останавливалась и поправляла складку штанов в паху, постоянно прикусывая губу. Я в это время аккуратно обходил машину. Баба подошла к торчащим ногам, легонько пнула их и позвала подругу. Коренастая не отозвалась, долговязая пнула ноги ещё раз. А уже через секунду ей прилетело ключом в висок. Дополнительные удары поставили точку.

Я покачал головой, глядя на конвульсирующее тело. Я хрен знает где, а уже два минуса оформил. И плевать, что это женщины, высушенный брелок красноречиво всё объяснил – но в мирное время после войны я или кто из моих сослуживцев таких заскоков не проявлял. Ни один из нас даже «административку» не получил, а тут за короткое время два трупа. Полное спокойствие и восприятие случившегося как данность – вот что меня беспокоит. Как на войне, когда либо ты минусуешь сам, либо минусуют тебя. Но война-то давно позади.

– *Ситуация*, – только и смог сказать я, потому что происходящее мне не нравится. Но обдумаю всё случившееся, наверное, несколько позже.

Одну кобуру с пистолетом я прикрепил к ремню за спиной, второй пистолет заткнул за пояс. И как можно быстрее побежал к открытым дверям в коридор, чтобы закрыть их, и вернулся к трупам. Жируха по-любому говорила этой двоице возвращаться в комнату с мониторами. Время истекает.

Я кое-как вытащил труп коренастой из-под машины, положил на него труп долговязой, просунул руку с пистолетом между ними. И нажал спусковой крючок. Он замер на половине пути. Пришлось наугад тыкнуть один из переключателей на раме и сунуть пистолет обратно. Он гаркнул куда тише обычного пистолета, но пуля пробила тело коренастой насквозь, отбив кусок бетонного пола размером с фалангу пальца. О настолько мощных патронах я никогда не слышал.

Я побежал в коридор, мимо дорожки из тёмных масляных следов, через долгие проходы рядом с редкими открытыми и пустыми комнатами, спустился по лестнице в знакомый коридор с пустой комнатой и вонючим ведром. И знакомым поворотом. Дальше я шёл медленно, беззвучно, вжимая ладонь в рукоять пистолета, направленного в сторону двери. Сердце билось спокойно, не впервой коридоры штурмовать.

Чем ближе дверь, тем больше виднелась внутрянка комнаты: дальняя стена, спальные места, стол с флягами и коробочками, стена с мониторами. Слышалось какое-то ёрзанье, тяжёлые вздохи, бубнёж. Как минимум две избиваемых должны были остаться на местах, но где жируха и четвёртая? Одна точно с правой стороны комнаты, а другая? Она же за спину мне не зайдёт?

Я чуть прикусил внутреннюю часть щеки, болью отгоняя вопросы. Размышления не помогут, сейчас время действий.

Вход в комнату оказался по правое плечо, я чуть перенёс вес тела на левую ногу, готовясь пружиной вскочить внутрь. И ждал.

Два глухих и гневных хлопка раздались из правой части комнаты. За ними последовало возмущённое гарканье жирухи. И голос четвёртой бабы. Одна избитая лежала у панели с экранами, вторая сидела рядом и сжимала в кулаках её ладонь. Рядом с ними на пластиковом ящике валялся обруч с экранчиком. Жируха в оранжевой жилетке сидела около стены на невзрачной серой скамейке, положив ладони на широкие бёдра, четвёртая баба стояла между жирухой и избитыми с пистолетом в руках.

Моя левая нога чуть подогнулась в колене и распрямилась, на носке правой ноги разворачиваясь и выныривая половиной корпуса в комнату. Я направил пистолет на четвёртую бабу.

– Не двигаться, суки, стрелять бу…

Я не успел договорить. Четвёртая начала разворачиваться, присаживаясь на колено и выставляя пистолет. Ухнули оранжевые вспышки. Бабу дёрнуло, четвёртая пуля попала ей в лоб. И я тут же нутром ощутил смертельную угрозу. Жируха прислонила правый кулак к груди. Вокруг него появилось неясное оранжевое свечение. Она оттянула кулак за плечо для сильного удара, свечение из неясного стало осязаемым, стена позади неё осветилась оранжевыми всполохами.

Я едва успел согнуть правую ногу и выкатиться в коридор. Где секунду назад была моя голова – мелькнул гудящий синевато-оранжевый сгусток. Он со звуком удара кувалды врезался в стену, обдав шрапнелью осколков стол с флягами.

Приземлившись на пол, я резко вскочил и бросился в коридор. Мимо меня прогудел ещё один сгусток, он выбил в бетонной стене коридора ямку с кулак. Я шагнул к двери с выставленным пистолетом, собираясь закончить этот бред, аккуратно выглядывая в щель между дверными косяками – но жируха ожидала подобного. Я поздно начал уворачиваться. Сгусток ударился в косяк двери, отломил кусок и продолжил полёт, потеряв часть энергии. Он пронёсся в миллиметре от моей левой руки, срывая куски ткани с куртки. Руку дёрнуло силой сорвавшейся в галоп лошади, натужно щёлкнуло плечо.

В глазах потемнело. Я громко вздохнул, приглушая боль. Левая рука повисла мясным куском, но правая всё ещё крепко сжимала пистолет, направленный в сторону двери и куска косяка, полукругом отгрызенного сгустком. В нём показалась грудь жирной туши. Пистолет гаркнул. Баба покачнулась и с уханьем упала. Я подскочил к двери и закончил минус контролем в голову.

Одна избитая в серых обносках всё ещё неподвижно лежала, а вторая пригнулась и смотрела на меня сквозь засаленную паклю чёрных волос, свисавших практически до губ.

– Не двигайтесь, мать вашу. Я нервный сегодня, – выпалил я, быстро подошёл к убитой четвёртой и заткнул её пистолет себе за пояс. Крови на левой руке нет, я даже мог подвигать ей, но это причиняло дикую боль. Вывих. Не знаю, насколько серьёзный, но разбираться нет времени.

Стол в дальней части комнаты поцарапало бетонной шрапнелью, свалив одну из продолговатых фляг. Из её пробитого борта лужицей вытекла бесцветная жидкость. Я прихватил одну из коробочек со стола и, как когда-то мне на фронте помогали автоматами, просунул её под левую подмышку. И правой рукой с силой прижал левый локоть к телу.

Плечо с щелчком встало на место. У меня от боли перехватило дыхание, в ушах зазвенело. Сквозь звон я едва различил одиночное пиликанье за спиной. Очень близкое пиликанье. Тело среагировало быстрее разума, подгибая ноги и разворачиваясь лицом к мониторам. Ящик рядом с ними оказался пуст. Вторая избитая баба стояла в шаге от меня с раскрытым пластиковым обручем в руках.

Мои колени коснулись пола, а правый кулак апперкотом ушёл вверх. В пах суке. Её пробила дрожь, глаза выпучились, и она рухнула на колени, хватая ртом воздух. Новый удар в челюсть повалил её на живот. Я выхватил обруч из её рук и несколько секунд возился с ним, левая рука едва шевелилась. Получилось его застегнуть, чтобы экранчик на передней части потух. А дальше я приложил к нему большой палец и аккуратно нащупал на заднем утолщении кнопку. Экранчик моргнул оранжевым, обруч разошёлся. Чтобы через секунду сомкнуться с пиликаньем на тонкой шее. Бабу дёрнуло, экранчик тускло засветился зелёным.

– *Не двигайся, сука.* Арт*, мать твою,* арт, – крикнул я и направил в голову бабы пистолет. И чтобы совсем дошло, приподнял за волосы и пару раз ткнул им в лицо. Но та лишь натужно дышала и сжимала ноги. От физиологии не попрёшь, удар в пучок нервных окончаний каждому болезнен.

Я сдержался, чтобы не отвесить ей смачного пинка. Кто знает, что делает этот пластиковый ошейник, но от него та долговязая слушалась жируху беспрекословно. Что это вообще за устройство такое? Да и что эта жиробаска кулаком делала, что аж стены ломала? Чем больше происходит, тем меньше у меня понимания происходящего.

В следующие несколько минут я проверил лежавшую около рабочей панели с мониторами женщину, но она не дышала, и пульс на шее не прощупывался. Потом вернулся к столу и подобрал первую из продолговатых фляг, внутри – обычная вода. Я оторвал от рукава кусок ткани и долго прочищал нос и горло, стараясь избавиться от ужасного приторно-солёного привкуса. Но, наверное, нос можно было и не трогать: в комнате пахло немытыми засаленными телами. У всех четырёх баб, жирухи и её трёх подруг, волосы хоть и короткие, но слипшиеся и засаленные. А рядом с ними глаза аж слезились от вони.

В коробке, с помощью которой я вправлял плечо, лежали запечатанные пластиковые пакеты с мягкими бисквитами, размером с ладонь и толщиной в палец. На пакетиках незнакомые закорючки, что-то между иероглифом и буквами, а кое-где вообще клинопись из чёрточек и кружков – но промытый нос не обмануть, рецепторы пощекотал аромат хлеба с сыром и мясом. А на вкус – преснятина, чувствовался только хлеб, но и без этого бисквитов в коробке с два десятка. Таких коробок на столе четыре, а ещё в ящике около рабочей панели их под завязку. Вот только один из термосов пробит, остальные четыре вполовину пусты. Воды мало, но бабы ведь её где-то достали. Я вытряс на стол бисквиты из одного короба, положив внутрь два разряженных пистолета. Странно, что нет запасных магазинов, но, скорее всего, бабы вообще не ожидали нападения, а пистолеты им нужны как элемент формы. У жирухи же и вовсе не нашлось ничего полезного.

Теперь, когда я обезопасил себя и ликвидировал угрозы, у меня осталось две задачи: разобраться с рабочей панелью с мониторами и допросить обездвиженную девушку, всё ещё корчащуюся от боли. Допрос лучше отложить, когда она чуток оклемается.

Мониторов над рабочей панелью десятки, один большой по центру, средние по бокам и мелкие на самой панели. На всех сотни строчек на чём-то, напоминающем арабскую вязь. На одном из маленьких экранчиков на панели двигалась строчка, арабская вязь в ней сменилась иероглифами, за ними пришли слова из всамделишных букв английского алфавита, только с апострофами. Затем пришли английские слова с излишними суффиксами. Потом просто английские слова. И приятная фраза: «Параметры отображения информации». Мои руки затряслись от накативших эмоций, пришлось чуть прикусить кулак, чтобы успокоиться. Давив-

шая на создание неизвестность отступила. Что бы там ни было, но я, по крайней мере, не абы где. Все шесть языков – это признанные международные языки.

От нажатия на строчку практически на всех экранах изменились надписи. Они всё так же из арабской вязи, но на большом экране одна из строчек каждые десять секунд менялась. И сложно не понять надпись «Выбор языка». От её нажатия на одном из маленьких экранчиков высветился список из шести языков. Я с довольной улыбкой выбрал наш великий и могучий.

«Внимание, укажите причину смены языка: Собака съела пуль от телевизора; Я преисполнился в своём познании; Я проснулся в тёмной капсуле; Меня преследуют огромные тараканы»

– *Что за бред?* – в трёх из четырёх строк отсутствовал хоть какой-то смысл. Я ткнул на строчку с капсулой. Все строчки сменились небольшой рамкой с мигающим курсором и просьбой ввести фамилию, а на экранчике рабочей панели появилась клавиатура. Подушечки пальцев аккуратно тапали по сенсорному экрану, за вводом фамилии последовало имя, потом отчество, дата рождения, название университета, улица, где жил, название моей фирмы. А следом эта сволочь попросила ввести имя жены с её датой рождения, и то же про детей.

– *Надеюсь, ты подавишься*, – процедил я, введя дату рождения младшего сына.

«Благодарю за подтверждение своей личности. Идентификационный номер 56-55-А-У43 подтверждён. Скажите, как к Вам обращаться?»

Пальцы настучали знаковые буквы. Моргнула надпись, что имя обращения принято и начата калибровка отображения информации. Экранчики потухли, чтобы показать всё на родном и понятном языке.

«Здравствуйте, Ёжик. Вас приветствует ИИ-помощник проекта «Осирис». Вы находитесь в 23 оплоте проекта.

Общее количество загруженных линготов проекта: 20 000 000 капсул.

Количество загруженных линготов в 23 оплоте: 20 000 капсул.

Количество деактивированных капсул: 19 998 штук.

Количество раскрытых капсул: 2 штуки.

Количество пустых капсул: 1.

Подтверждённое количество пробуждённых линготов в 23 оплоте: 1.

Внимание, не удаётся установить связь с другими оплотами. Отсутствует соединение со спутниковой сетью. Невозможно установить иерархические взаимосвязи. Вам установлен допуск «Хранитель» ко всем структурам и возможностям 23 оплота.

Внимание, истощение энергии 23 оплота. Энергетический контур оплота работает на элементах, загруженных в реактор 14 циклов назад. Оставшееся время работы реактора составляет примерно 68 дней при минимальном энергопотреблении. В случае отключения реактора запасённой энергии в фазовых батареях хватит на 7 дней при минимальном энергопотреблении.

Вывожу список возможных энергетических компонентов…»

На экране вышел список из сотен позиций, начиная от МОКС-топлива и заканчивая какими-то фазированными решётчатыми и дифлюксовыми накопительными ячейками. Нашлась и привычная нефть с её производными, но с примечанием, что выхлоп от них составит лишь жалкие семь процентов.

И только я хотел крепко выругаться, потому что уже ничего не понимаю – как со стороны стола раздался голос.

Глава 2

Лежавшая около стола девушка не двигалась, но сквозь засаленные патлы ошарашенно смотрела то на меня, то на экран со сменившимися надписями.

– Гастата руса лэ! Нуру-ту… – забалакала она на своей тарабарщине бойким голосом.

– *Помолчи. Не до тебя сейчас.*

– Астура даска-ла? Нуру тугна дака! Арка…

– *Завались*, – я резкими шагами приблизился к девке. Та замотала головой и открыла рот, но я направил дуло пистолета ей в голову. – *Заткни, свой, рот. Ты меня понимаешь?*

Девка быстро задышала, испуганный взгляд карих глаз перепрыгивал с пистолета на меня. Она закрыла рот и сжалась, вдавила голову в плечи.

– *Встань*, – я помахал пистолетом, но девка лишь испуганно моргала. Я несколько секунд копался в воспоминаниях, выискивая недавно услышанное слово. – Гурна.

На это слово отреагировал экранчик ошейника, моргнув синим. Девка смогла пошевелить руками, аккуратно прижала их к телу. И замерла. Лишь после очередного покачивания пистолетом она боязливо медленно встала, безразмерные серые обноски покачивались парусиной, скрывая очертания её тела.

Я спросил девку на русском языке, понимает ли она меня. Та в ответ таращилась на меня. Затем я спросил то же самое уже на английском языке. Результат одинаков.

– *Ситуация*, – я удручённо цокнул языком. Эта сука пыталась на меня ошейник нацепить, он явно бы доставил неприятностей. У меня есть право вышибить ей мозги, но зачем лишние трупы? Да и неплохо было бы понять, кто она и что происходит.

Я показал девке на один из угловатых серых стульев у стола. Та посмотрела на закруглённую спинку стула, но ничего не поняла. Пришлось взять такой же стул и притащить к рабочей панели.

– *Сядь*, – я показал девке на её стул, одновременно садясь на свой. Та задумчиво осмотрелась. Мне пришлось встать и опять сесть, сопровождая это простым словом. В этот раз в голове девушки наконец-то защёлкали шестерёнки, она показала себе на грудь, потом на свои колени и стул. Я довольный закивал.

– *Сядь*, – я опять встал и показательно сел на стул. Экранчик на ошейнике девки загорелся синим, и та тут же упала жопой на стул. Экранчик вновь стал тускло-зелёным.

Понимая, что начинаю кое-что понимать, я провёл эксперимент со словом «встань». На третий раз, встав со стула, я ткнул пальцем в сторону девки. Экранчик моргнул синим, и та подскочила ужаленной под хвост козой. На приказ сесть экранчик не изменился, но девка села моментально. У меня заболело в висках. Не знаю, как именно работает ошейник, но подобная ему хрень не должна сомкнуться на моей шее.

– *Давай знакомиться. Ёжик*, – я показал на себя и девушке на грудь. И повторил.

– Аста, – бойкий голос девки потерял былой запал, теперь она говорила робко и трусливо.

– *Ёжик, Аста?* – я показал на себя и девку, на что та закивала. – *Так вот, Аста, сиди на стуле и молчи,* – я прислонил палец к губам. И вопросительно прищурился. Аста заметалась взглядом по моему лицу, опасливо показала на себя, на стул, на свои пухлые губки и скрестила пальцы с невысказанным вопросом во взгляде.

– *Умничка*, – я искренне улыбнулся ей и кивнул, на что девка вздрогнула, но сама робко кивнула. Отлично: контакт налажен, а понять друг друга мы как-нибудь сможем. Теперь надо почаще оглядываться и прислушиваться, дабы Аста не огрела меня чем-нибудь тяжёлым по голове. Она вряд ли может кидаться теми сине-оранжевыми сгустками, иначе бы давно так и сделала.

Я вернулся к рабочей панели с экранами. Под высвеченным сообщением о заканчивающейся энергии моргала кнопка о принятой информации. От нажатия на неё в среднем боковом экране отобразился список состояния оплота: по краям красной строчки энергии два восклицательных знака, остальные строчки зелёные. Воздух чистый, автоматика запустила его фильтрацию тридцать один цикл назад, и фильтров хватит ещё на двести лет. Фильтры для воды вообще не тронуты, и хоть автоматика запустила водную систему вместе с воздушной, но ни одна капля воды не была подана через краны. То же самое с запасами еды и складами с расходными материалами – всё не тронуто.

На центральном экране появился десяток широких надписей со строчкой во главе: *«Ознакомительные инструкции для первого пробудившегося лингота, с установленным уровнем пользования Хранитель»*.

– *Вот этот «лингот» – это меня сейчас нахер послали?* – спросил я сам у себя больше для разрядки обстановки. Потому что чушь какая-то происходит.

Среди десятка появившихся широких кнопок нет кнопки «*Жмяк, если непонятно*», зато есть *«Структура оплота-комплекса 23», «Задачи Хранителя», «Возможности автономного самообеспечения»* и прочее и прочее, даже есть *«Инструктаж с советами и предполагаемыми действиями для встречи с пробуждёнными линготами из других оплотов и возможными аборигенами»*. Есть подозрение, что этот инструктаж можно пропустить. А ещё среди кнопок моргает *«О проекте Осирис»*.

– *Дичь какая-то и ё…* – я сам себя заткнул, не позволив матюкнуться. – *Чего там говорили, мозг сам создаёт сны и вот это вот всё? Всё происходящее со мной – что угодно, но не сон. Настолько тупорылые сны я видеть не умею.*

Проект «Осирис», если верить бредятине с экрана – это одна из программ возрождения человечества после апокалипсиса. Что за апокалипсис и какие ещё программы есть – ничего из этого не поясняется. Но зато проект «Осирис» выполняет две задачи: возрождение человечества через детей линготов; и, в случае чего, подчинение и ассимиляция со случайно выжившим человечеством. Для обоих случаев по миру разбросаны тысяча оплотов пяти типов: «роевня», у неё задача усиленно размножаться; «замок», для захвата аборигенов или защиты ближайших оплотов; «завод», для обеспечения ближайших оплотов всем необходимым; «башня», как центр технического обеспечения и постепенного внедрения в быт возрождающегося человечества всех имеющихся технологий; и «комплекс», что-то среднее между «заводом» и «замком», заточенный на логистику и разведку. В случае чего каждый оплот может самостоятельно исполнять функции всех типов, но разделение, всё же, предпочтительней.

Но большей дичью выглядит объяснение о линготах, которое мой мозг напрочь отказался понимать: там тотальный бред. Чуть менее бредовей написана история проекта «Осирис». Его начало положено в 2184 году нашей эры, а создание линготов начато в 2214. К 2275 году вся тысяча оплотов была закончена, а уже в 2292 году их заполнили линготами и всем необходимым для автономного существования.

Я долго тыкал по экрану, но так и не смог выяснить, почему нигде не указывалось точное время активации оплотов. Лишь указывалось, что после 2302 года оплоты должны мониторить радиацию, кислород и прочее в воздухе, и обмениваться данными. По достижении пригодных для жизни показателей оплоты сперва выпускают дронов на анализ почвы и воды. Если их показатели укладываются в нормы – проект «Осирис» входит в «Фазу пробуждения и адаптации линготов».

Я тыкнул на список хранящихся вещей для автономного выживания оплота. И дрожащей рукой потянулся к пистолету. Захотелось вышибить себе мозги, чтобы весь этот бред прекратился. От мандража меня всего переклинило, я глубоко задышал, стараясь успокоиться. И отвернулся от экрана. В одной из строчек длиннющего списка значились сотни каких-то

фазированных решётчатых ячеек, с примечанием, что оплоту в режиме ожидания их хватит на десять тысяч лет.

– *Надо выбираться из этого сна, иначе я себе мозги вышибу*, – сказал я, глядя строго в глаза Асте. Она всё так же сидела около стола и удивлённо таращилась на меня. Мне требовалось срочно отвлечься от происходящего, а на усыпанном бетонной крошкой столе лежали коробки с бисквитами и термосы с водой. Вот за первый попавшийся я и ухватился, показав Асте.

– *Может, чего умного скажешь*? – на мой вопрос Аста чуть наклонила голову. – *Термос,* – я потряс им в руках и, открутив крышку, налил чуток воды в ладонь. – *Вода. Понимаешь? Термос,* – я протянул одну руку. – *Вода,* – протянул вторую.

– Ускурук, куру? – Аста с вопросом перевела взгляд с одной руки на другую.

– Ускурук? – я потряс термосом, на что девка закивала. Дальше я налил воды в ладонь и произнёс второе слово, на что девка опять закивала. – *Так вот, Аста.* Куру*, где? Откуда?* – я обвёл руками комнату и раскинул их, намекая на весь комплекс. – Куру. Куру *откуда*? – я потряс мокрой ладонью, показал на Асту, трупы баб и ещё раз обвёл руками комнату.

Аста несколько секунд растерянно хлопала глазами, прежде чем сложила ладони лодочкой и показал, будто пьёт с них. Дальше она показала на термос, произнесла «куру» и показала на меня. Я кивнул. Аста задумалась, ткнула пальцем вверх на потолок и показала, будто крутит руль. Я с вопросом во взгляде выставил три пальца. На лице Асты, запачканном машинным маслом, проскочила мимолётная улыбка.

Через несколько минут, кивков и жестов мы поднимались по лестнице. Девка шла обычным шагом и резко в стороны не мотылялась, потому что я ещё в комнате достал пистолет из кобуры. В каком-то оплоте непонятного проекта, от описания которого извилины в мозгу заплетаются – в таком месте хочется иметь что-то повесомее пистолета. Но и он лучше пустоты.

– *Слушай, Аста*, – обратился я к девушке, медленно поднимавшейся впереди меня. Аста повернулась, на что я жестом показал ей не останавливаться. – *А кто вы вообще такие? И откуда, а?*

– Аут насара-на рон, – неуверенно произнесла девушка.

– *Ага, я примерно так и понял. Но вопросы прежние. Вы кто такие и откуда нафиг, я вас не звал, езжайте… Короче, кто вы и откуда?*

– У-у-у, – глупо протянула Аста, пытаясь хоть немного понять услышанное. – Наска атара-зу. Ланая аюс, уску-но асара шас.

– *Как интересно. Но ты, продолжай, продолжай*, – я помахал ладонью, намекая ей не останавливаться. У Асты глаз на затылке нет, но она, кажется, поняла меня, и на своей тарабарщине понеслась чего-то рассказывать. Я слушал её внимательно, стараясь вычленить знакомое слово из русского языка или, на худой конец, английского. Но ничего похожего так и не услышал, даже когда мы поднялись по лестнице на этаж с натоптанными мазутными следами.

В нескольких поворотах от ангара Аста резко остановилась. Я направил в её голову пистолет, но девка не испугалась и лишь презрительно отмахнулась. Она выставила два пальца и показала на этаж ниже, примерно в сторону комнаты с рабочей панелью, а затем двумя растопыренными пальцами показала в сторону ангара.

– *Тип, две там отдыхают, и ещё две где-то ещё?* – я показал сперва в сторону ангара, а затем пальцами спародировал ходящего человечка. Аста закивала. Я с усмешкой потряс пистолетом. – *Догадайся, откуда он у меня.*

Аста несколько раз хлопнула карими глазами, глядя на пистолет, прежде чем приоткрыть рот и резко мотнуть головой в сторону ангара. Она тяжело задышала и посмотрела на меня взглядом загнанного в ловушку зверя. Аста что-то растерянно выпалила и поспешила к ангару, шаркая сероватыми мешковатыми обносками. Я хотел её окрикнуть, но решил дать девке возможность действовать самостоятельно.

В ангаре Аста пошла не к трупам долговязой и коренастой, а к воротам. Высотой с десяток метров и шириной в три десятка, разделённые на шесть частей, они массивными гидравлическими приводами должны открываться вверх. У боковой секции на полу десятки следов шин. Рядом с ней на стене – рабочая панель в несколько ладоней высотой. Давно не работающая.

Аста ударила ребром кулака по погасшему экранчику и принялась гневно кричать, показывая на меня, куда-то за стену и тыкать на трупы. А ещё она несколько раз аж выплёвывая слова, стуча костяшками себе по голове и показывая на мою промежность.

В какой-то момент девка махнула на меня рукой, прошла к тягачу и потянулась к пассажирской двери. За ней вместо сиденья – проход в заднюю часть салона. Где дверь к прицепу с угловатой танковой башней.

– *Куда?* – я направил дуло в голову Асты. Та гневно посмотрела на меня сквозь слипшиеся патлы, практически полностью закрывавшие лицо, с нечленораздельным бурканьем махнула в сторону закрытых ворот. И открыла дверь. Я не смог выстрелить. Общую информацию я, может быть, получу из рабочего терминала, но вряд ли там отыщутся актуальные сведения о мире за пределами оплота.

– *Только открой заднюю дверь, и я тебе мозги вышибу*, – бросил я девке, но следом за ней в тягач не полез. Я поставил ногу на переднее колесо, подскочил на капот и выставил руку с пистолетом, наблюдая за Астой через лобовое стекло. Она долго ковырялась в настенных шкафах, вытряхивая на пол содержимое, а затем разразилась воплем обиды. Она ухватилась за голову, упала на колени и просидела так с минуту, что-то бормоча под нос. А вскоре вышла с опущенными плечами и взглядом пустым, как после штурма «посадки».

– Гаска, гаска, – прошептала Аста, глядя на меня. – Гасара, шас, – она цокнула языком и показала на ворота ангара. – Атара раша зараса… Ут наха, – Аста угрюмо махнула рукой.

– *Совсем поехавшая, да?* – я покрутил пальцем у виска. Это девку рассмешило. Она долгую минуту сотрясалась, удерживая гогот внутри себя, но отдышалась и посмотрела на меня как на идиота. Аста жестами показала, как жируха запустила тот странный сгусток во что-то похожее на клавиатуру, расположенную снаружи ангара. Сгусток ударился в клавиатуру, и боковая створка ангара открылась, чтобы туда заехали три машины: два седана и один тягач.

– *То есть, ворота не открыть без той жирухи?* – я показал в сторону комнаты с экранчиком. Аста гневными жестами показала жируху, коренастую и долговязую, каждый раз очерчивая на груди силуэт безрукавного жилета.

– *Без них наружу не попасть?* – я показал на трупы, на ворота, и скрестил руки. Аста оскалилась от злобы и аж радостно захлопала в ладоши. Девка вскинула руку в сторону ворот, куда-то далеко за них, показала как рулит машиной, и выставила четыре пальца. Я с вопросительным прищуром показал на три машины в ангаре. Аста низко кивнула.

– *Ситуация*, – я цокнул языком. Кажется, Аста меня поняла, и сама то ли шикнула, то ли вздохнула, но понимающе развела руки и пожала плечами.

Я ткнул в сторону трупов долговязой и коренастой, потом одновременно показал четыре пальца, махнул за ворота, и сомкнул ладони в дружеском приветствии. Аста закивала. Я опять показал на трупы, на Асту, и пару раз прислонил кулак к своей челюсти – но продолжить не успел. Аста алчно улыбнулась и тыльной стороной указательного и среднего пальца постучала себе по трахее, а потом показала на меня, чувственно облизнула палец и, прокручивая, вставила его в закрытый кулак. У меня аж «очечело» сжалось. Я показал на свою промежность и на высушенный ёлочкозаменитель в тягаче. Аста что-то оттянула от своей промежности и обрубила это под корень, а затем в ладони покатала два невидимых шарика, чтобы резко сомкнуть кулак и со всей силы дёрнуть рукой. Ладно ещё получить пулю в лоб, не знаю, что вообще со мной происходит, но обычно после такого не выживают – но у меня нет желания испытать всё показанное Астой.

Я с ходу не смог придумать, как жестами изобразить смену дня и ночи. Но справился с помощью протёкшего масла, нарисовав на полу круг с полумесяцем и солнцем.

– *День*, – сказал я, покрутив пальцем круг от солнца до луны и обратно. Потом показал в сторону ворот ангара, и как рулю машиной. – *День, сколько?*

Аста задумчиво пожала плечами. Она зачем-то прочертила горизонтальную линию через весь полумесяц, а потом выставила руки. На левой отогнуто три пальца, а на правой один. Этого достаточно для понимания ситуации.

Я захотел вернуться на второй этаж к панели с экранчиками, но вовремя вспомнил про воду. Аста без лишних движений зашла в кабину тягача, открыла заднюю дверь в салоне и вышла наружу, жестом приглашая пройти внутрь. На мой недобрый прищур Аста приподняла руки над головой и отошла от тягача.

Центральная часть прицепа занята барабаном заряжания пушки, но снаряды меньше танковых, больше похожи на удлинённые мины или даже продолговатые снаряды пушек Второй мировой войны. В задней части прицепа на стеллаже десятки таких снарядов, устройства по автоматической досылке в барабан нет, но между барабаном и стеллажом спокойно разместится человек. В передней части прицепа импровизированный склад. Там нашлась прямоугольная бочка с водой, несколько ящиков с бисквитами, всякий инструмент и даже небольшой бур на электрическом питании. А ещё отыскался кусок брезента, только странный, как и вообще всё в прицепе: гладкий и не шуршащий в руках.

– Гальна? – Аста с вопросом показала на кусок брезента.

– *Узнаешь. Пошли обратно*, – я кивнул в сторону выхода из ангара. Аста какое-то время смотрела на меня изучающе, недоверчивым взглядом карих глаз откусывая от лица по кусочку, но сдалась и спокойным шагом побрела на выход.

В комнате с рабочей панелью ничего не изменилось, хотя я бы не удивился, пропади один из трупов – мало ли что может случиться в этом наркоманском бреду. Я показал Асте на стул и только хотел приказать сесть, но девка с насмешливой ухмылкой плюхнулась на стул, внаглую открыла один из коробов и зашуршала упаковкой бисквита. И всё время смотрела на меня с ехидцой, наслаждаясь происходящим. Хотелось бросить ей едкую фразу, но на выяснения отношений времени нет.

Во всём хитросплетении информации на экранах надо отыскать несколько вещей, необходимых ещё вчера. И я бы долго переключался между окнами, но вовремя заметил в центре правого бокового экрана горизонтальную разделительную черту. Ниже черты – список инструкций для «Хранителя», включая инструкцию по подготовке комплекса к пробуждению остальных линготов. Часть выше черты оказалась пуста, внимание привлекала лишь надпись *«ИИ-помощник»* и окно ввода с призывно мигающим курсором.

Сенсорная клавиатура была задействована для главного экрана, поэтому я ничего умнее не придумал, как ткнуть пальцем в верхнюю часть бокового экрана. Его контуры подсветились салатовым, а у правого края появилась двойная стрелочка к главному экрану. От нажатия на неё изображения поменялись местами. Затем я тыкнул на экран с инструкциями и у него также появилась стрелочка к главному экрану, а повторный тычок отдалил изображение инструкций и высветил общую схему рабочей панели. При желании её можно перенести в любое место.

– *Прикольная игрушка*, – я усмехнулся и, вернув всё как было, настроил клавиатуру на экран со строчкой *«ИИ-помощник»*, где ввёл *«Удалённое управление»*. Высветились варианты продолжения этой фразы и её контекстного использования, включая *«Переносной терминал Хранителя»*. Я взмолился, чтобы он не лежал в комнате с рабочей панелью, иначе его давно упёрли. Но обошлось. В оплоте несколько таких терминалов в складах на каждом этаже. Ближайший склад под номером «2-8.1-Л», вот только таблички-то в коридорах все скрутили.

Поиск в рабочей панели напоминал поисковые запросы в интернете, наверное, поэтому и получилось найти полную карту оплота с первого раза. Высотой эта махина в пять этажей.

Пятый этаж расположен глубже залов с капсулами на сотни метров, и шириной он в несколько километров. Там и зоны для обновления питательной массы для капсул, и сотни складов, и две каких-то герметичных комнаты, и два огромных реакторных отсека с собственными хранилищами. От них по широкому лифту тянется к четырём из восьми ангаров. На четвёртом этаже оплота четыре квадратных структуры по четыре зала с капсулами, и от них лестницы с лифтами поднимаются в хитросплетение паутины трёх широченных верхних этажей.

Я долго провозился, прежде чем на карте отобразилось расположение всех дверей. Почти все закрыты, как и все переходы между блоками. Это радовало: можно не беспокоиться, что где-то шастают полоумные бабы, жаждущие отчекрыжить от меня кусочек.

– *Осталось самое сложное*, – я настукал на клавиатуре необходимые фразы, найдя меню активации лифта и вкладку управление ангаром. И, на всякий случай, узнал состояние станций мониторинга.

Сто семьдесят пять станций разбросаны вокруг оплота на десятки километров и прикопаны в землю на тридцать метров. У каждой станции есть вертикальный бур для прокопки земли, и весь набор устройств для анализа воздуха. Все сто семьдесят пять станций работали автономно, соединяясь с оплотом проводами в мощных защитных кожухах, и в них нет ни одного обрыва. Так почему же напротив каждой станции светится надпись «*Отсутствует соединение*»?

– *Ситуация*, – я задумчиво посмотрел на Асту. Она за прошедшее время умяла несколько бисквитов и сейчас, скучая, крутила в пальцах трубочку из свёрнутой прозрачной упаковки.

– Усно атара-да? – с издёвкой спросила девка, показав на раскрытую коробочку с бисквитами.

– *И тебе не болеть*, – я отвернулся к экранам и через несколько минут возни заставил оплот включить нужный мне лифт. Экранчик с запасами энергии жалобно пиликнул, что пользование лифтом уменьшит доступную энергию – но это последнее, о чём сейчас стоит беспокоиться.

– *Пойдём*, – я показал Асте вставать и идти в коридор. Та без всякого сопротивления послушалась, лишь меланхолично ухмыльнулась.

– *Куда?* – я по-командирски прикрикнул, когда Аста в коридоре повернула налево, к ангарам. Девка развела руками в немом вопросе. Я показал направо. – *Иди давай, времени мало. Одну я тебя всё равно не оставлю, тем более около мониторов. Сломаешь их ещё.*

Аста не поняла меня, но зато прекрасно поняла, когда я похлопал себя по левому плечу и показал рукой влево. Потом то же самое с правым плечом, грудью и похлопыванием по спине. Всё сопровождалось простыми словами, а Аста меланхолично повторяла уже на своём языке. Благодаря этой простенькой коммуникации мы быстро продвигались по коридорам. Девка спокойно шла впереди меня, изредка шаркая изношенными серыми ботинками по бетонному полу и что-то удручённо бубня под нос. Но испуганно попятилась к стенке около приоткрытой двойной двери.

Аста удивлённо показала на раздолбанную стену аж до прочной начинки и понеслась лепетать на своей тарабарщине. Я прислонил палец ко рту, намекая помолчать, и отдал команду «Арт». Экранчик на ошейнике моргнул синим, и девку дёрнуло. Та замерла и только могла смотреть, как я схватился за выехавшие из полотна дверей рукояти.

Огромное бежевое помещение заставлено зелёными промышленными стеллажами с коробками, бочками, пластиковыми контейнерами, связками труб, инструментов, банками с едой и другими нужными вещами. Набили его под самый потолок, да и между стеллажами едва можно протиснуться, и на каждой секции висело подобие «QR-кода», только квадратики перемежались треугольниками и прямоугольниками. Вверх склад тянулся на двенадцать-тринадцать метров, на каждом стеллаже есть лесенки, а под потолком болтались лебёдки с цепями для спуска грузов. В ширину склад будет не меньше пятидесяти метров, а в длину и вся сотня.

Я аж присвистнул, облокотившись на стоявшую около входа рохлю. В склад нанесли вообще всё, что только смогли. Не удивлюсь, если здесь найдутся даже презервативы и «увеселительные свистки в жопу для смелых и умелых». Но в этом общем складе не хватает оружия. Но я не за ним пришёл.

Недалеко от входа на стене висел щиток с надписями на шести языках и шкатулкой в полторы ладони. Как раз она мне и нужна.

В коридоре, прислонившись спиной к стене, стояла Аста. В серых мешковатых одеждах из странной джинсы, в изношенных серых ботинках и со свисающими до пухлых губ чёрными засаленными волосами – видок бравый, но совсем уж лишнее искать ей одежду. По крайней мере сейчас, пока она брелком за мной таскается. Да и вопрос о её будущем всё ещё открыт, как и о моём. Но меня больше волнует моё настоящее и прошлое.

Я показал Асте в сторону комнаты с рабочей панелью. Аста пошла сразу, постоянно оборачивалась на меня. Меланхолия в её взгляде и движениях пропала, но появилась растерянность. И какая-то надежда? Такие изменения оправданы, если скорые гости ей голову отрежут.

– *Слушай, Аста*, – только я начал говорить, как девка повернулась ко мне зашуганным кроликом. Я постучал пальцем себе по виску. – *Ты до сегодняшнего дня на голову не жаловалась?*

– Шаяр уюс-та?

– *Я так и понял. Не останавливайся, иди давай,* – я помахал пистолетом. Аста этот жест прекрасно поняла и, медленно развернувшись, пошла дальше. – *Знаешь, мне до сих пор надо узнать, кто вы и откуда припёрлись. Но, надеюсь, что ты одна такая, а остальные хоть немного мозгами ворочают. Сама же видела, как я мониторами пользовался. Неужели сообразить не смогла, что всякое могу открыть? У вас там, что, компьютеры никогда не видели? Ну, там…* – я взмахом руки показал в сторону створок ангаров. И тяжело вздохнул. Руки задрожали, взгляд замельтешил. Меня пробила «слонячка».

Я быстро задышал, насыщая кровь кислородом, чтобы перейти на глубокое и медленное дыхание. В воспоминаниях возникли образы жены и детей, наши семейные ужины; как в обед сын сел в машину и по дороге рассказывал, что на уроке физики пятёрку получил; как утром с женой разговаривали о её беременности и оба прекрасно понимали, что четвёртый ребёнок в нашем возрасте уже в тягость, но и оба знали, что на аборт никогда не пойдём; как разговаривал с представителями строительной фирмы; и как подъехал к дому. А теперь я здесь, но где? Где я, мать её итить? Где я, и где это какое-то «там»?

Я задрожал и закрыл голову руками, стуча рукоятью пистолета по виску, стараясь вправить мозги и окончательно их выбить. Взгляд метался по бетонному полу, зубы стучали, тело пробивала дрожь, сознание отказывалось понимать происходящее. Аста спряталась за поворотом и опасливо выглядывала из-за угла краешком немытой головы, смотря, как я едва не согнулся калачиком от накатывавших чувств. Несколько минут я стоял посреди коридора, дыша через раз и едва удерживаясь, чтобы не приставить к виску дуло пистолета. Кое-как получилось тяжело вздохнуть и вновь повторить «семь-на-семь». К последнему глубокому вдоху я уже мог думать, как человек, а не как перепуганная свинина.

– *Я допустил ошибку*, – предельно строгим голосом сказал я, приближаясь к Асте. Та с опаской смотрела на пистолет в моих руках, но я лишь махнул рукой продолжать движение. – *Трупы выносят после того, как позиции осмотрены и все угрозы в минусе. Погнали, глянем, чего там снаружи.*

Перед этим надо было заглянуть к рабочей панели. Я сразу направился к ней, напрочь забыв про Асту. Она растерянно встала посреди комнаты. Я видел её отражение на боковом экране, девка чуть приблизилась и с интересом наблюдала за моими действиями. Но дистанцию в пять шагов не сокращала. За это ей спасибо, я в последнее время дёрганый.

В шкатулке, прихваченной со склада, лежал сложенный гармошкой планшет. Для окончательной настройки его надо приложить к одному из экранов. Разложенный планшет размером в две ладони и практически невесомый, с тонкими гранями и десятком камер на белой тыльной стороне. Экран планшета моргнул белым, на нём высветилась карта блока «8-Л», эта же карта висела на главном мониторе рабочей панели. И иконка лифта около лестницы светилась зелёными.

Лифтом я пользоваться побоялся, хотя с десяток минут назад планировал затащить в него трупы и вести их в ангар – но кто знает, сколько тот простоял без движения? Зато Аста чуть не упала в обморок, увидев работающую панельку у лифта. На двух клавишах стрелочки вверх и вниз, а на экранчике горит цифра первого этажа.

– Гилана уласа? Тая-на ата-шу? – выпалила Аста, показав на лифт и планшет в моих руках. Я с усталой улыбкой показал ей двигать дальше. Девка не заткнулась и, перебирая ногами, бодро махала руками, показывая на себя и на меня, тыкая куда-то в сторону и стуча себя в грудь. А от вида массивных створок в ангаре широко улыбнулась.

– Унта, унта, унта, – радостно причитала Аста, взмахами прося пошевеливаться. Я прислонил палец ко рту и постучал себя по виску, мол, мне сосредоточиться надо. Та намёк поняла и сразу замолчала, но ворочала заинтересованным взглядом от меня к створкам ангара и обратно.

Терминал «Хранителя» работал по тому же принципу, что и поисковое окно рабочей панели, так что нужная вкладка нашлась быстро. Под потолком натужно скрипнул металл, громко шикнули гидравлические приводы, закрутилась массивная шестерёнка и боковая створка ангара поднялась, медленно прижимаясь к потолку. В лицо ударил тёплый и сухой ветерок, нос пощекотал запах земли. Аста ребячески заулыбалась, радостно затрясла кулачками. И выбежала из ангара, промчавшись мимо трёх продолговатых контейнеров у рабочей панели на внешней стороне стены. От них к наружной боковой панели тянулись провода.

За открытой створкой – длинный туннель высотой с ангар и длиною в сотни метров. Бетонный потолок подпирают массивные квадратные колонны, они освещены редкими точечными светильниками, а пол весь в следах шин. Чем ближе конец туннеля, тем больше песка и земли.

Аста взобралась на небольшое земляное возвышение на выходе из туннеля и дышала полной грудью. А я, чем ближе подходил к концу, тем сильнее щурился. На улице ярко светило солнце, глаза после темноты туннеля с непривычки болели, но постепенно привыкали к свету.

Вокруг нас, опускаясь с возвышенности, тянулся луг с высокой и густой зеленоватой травой. Ветер раскачивал её волнами, шуршал мешком с зерном. Среди травы пучки кустарников с красной листвой. Поодаль от туннеля, по накатанной колее шин, лес из деревьев с тёмно-фиолетовой листвой и волнистыми стволами как из сотен сплюснутых шариков. За лесом скользила река с красными, зелёными и жёлтыми травами на берегах.

С громкими хлопками из леса вылетела синяя птица с длинным крючковатым клювом, хохолком из ярко-красных перьев и вытянутым туловищем с двумя парами массивных крыльев. От их хлопков из травы взбудораженно поднялись суслики высотой в половину человеческого роста, с вытянутой мордой и тремя парами передних лап.

– Яска ларана уюм. Нат-да яска уно лянтара-на, – с придыханием произнесла Аста, смотря в небо.

– *Вашу бога душу мать*, – вырвалось у меня. Высоко над землёй неспешно плыли сотни астероидов, размерами с пулю до одноэтажного дома. А поверхность луны свадебным перстнем окольцевала решётчатая металлическая структура.

Глава 3

Я не совсем понял, как оказался в комнате с рабочей панелью. Помню, как в ангаре меня нагнала Аста. Она что-то выпаливала на своей тарабарщине, тыкала на рисунок луны и солнца и с криком показывала в сторону открытого ангара. Я смутно помню, как нажал кнопку на планшете и тяжёлые механизмы с лязгом закрыли створку. Дальше была лестница, где я несколько раз чуть не споткнулся и от перелома шеи меня спасла Аста, успевавшая схватить меня за руку. А потом я сел на стул перед рабочей панелью. И хрен его знает, сколько там просидел. Аста сперва пыталась меня растрясти, но после примостилась у стола с едой.

Всё происходящее казалось бредовым, но до жути натуральным сном. Час назад я подъехал к своему дому, а теперь брожу по бетонному комплексу идиотского проекта посреди непонятной природы и пояса астероидов вокруг Земли. И сижу перед десятком экранов со всякой тупорылой информацией, сжимая в правой руке пистолет. Мой взгляд скользнул по серому корпусу к спусковому крючку. Рука дёрнулась раз, другой, точно сама собой, по миллиметру приподнимая пистолет, выше, ближе к голове, к виску.

Я одёрнул себя и крепко выругался. Вот что-что, но даже в наркоманском бредовом сне мне не нужна вторая пуля в башке. А вообще была ли та, первая пуля? Были ли жена, дети, работа? А война? Вообще, кто я и где? Может, я вообще… кто?

Я обхватил голову руками, понимая, что продолжу эти мысли и по-любому мозги себе вышибу. В воспоминаниях светятся образы жены и детей, сердце рвалось на части от тоски. И как его успокоить?

Поодаль сидела Аста и сквозь закрывающие глаза патлы не разобрать, ждёт ли она, когда я своими мозгами стены покрашу, или же умоляет этого не делать. Ещё здесь десяток продавленных матрацев и три трупа. И рабочая панель.

Я дрожащими руками потянулся к сенсорной клавиатуре и долгую минуту в поисковой строке вводил надпись «*Личные дела линготов*». А ещё дольше среди двадцати тысяч искал одно, с моей фамилией. И до бесконечности долго не решался его открыть.

В моём личном деле про судьбу семьи ничего не нашлось, лишь имена и дата рождения. И это к лучшему, потому что пулю получил только я. А жена у меня хорошая, она умница. Я же, как закончил с клиентом общаться, то написал ей сообщение: «*Трудный день. Я денег заработал*». Жена сразу всё поняла и ответила стикером с лисой, у которой вместо глаз огромные золотые монеты, и добавила, что дети дома и все меня ждут. Не дождались. Производство без меня не загнётся, крупный покупатель найден, да и накопления я успел сделать солидные – я более чем уверен, что жена распорядилась всем этим по уму и подняла детей на ноги. А там у них конец школы, учёба, работа, свадьбы, собственные дети. Мои внуки.

Я отошёл от экранов и закрыл глаза рукой. По щеке предательски пробежала одинокая капля. В голове крутились образы: как взрослели дети, как жили свою жизнь, как жена тащила на себе семью. От всего этого стало так тоскливо и грустно, что я даже не заметил, как позади меня появилась Аста. Она ошарашенно мотала головой, смотря то на экран, то на меня.

Аста показала на экран. Там изображение мужчины, лежащего на брусчатке у двери в подъезд. Во лбу аккуратное отверстие, под головой красная лужа, а на лице гримаса из злобы и презрения.

– Ёжик. Ёжик.

– *Ёжик-выедожик*, – я не сдержался и сплюнул, покосившись на изображение. Что бы ни происходило, но именно оно доказывает, что я не свихнулся. Что жена и дети были. Когда-то, но были. И теперь, хоть немножко разобравшись с прошлым, которому меньше часа – неплохо бы разобраться с настоящим. А его срок ограничен несколькими днями.

Есть три задачи оперативного характера: избавиться от трупов, разведать окрестности и раздобыть оружие. Ну и понять, можно ли доверять Асте или лучше её обнулить до прихода гостей. Моральная сторона вопроса – это одно, но получить удар в «псину» – совсем другое.

– *С тобой, девица-красавица, мы ещё покумекаем*, – я с намёком закивал, пытаясь разглядеть за засаленными патлами карие глаза Асты. Её бы помыть, да и самому не мешает ополоснуться после той жёлтой слизи, да одежда новая нужна. Много работы предстоит, но лучше так, чем стоять и загоняться вопросами о происходящем.

– Ёжик? – с толикой страха в голосе Аста опять показала на фотографию жмурика.

– *Ёжик, Ёжик. Потом объясню*, – я жестами показал, как тащу трупы и закапываю их. Потом потыкал на себя, мол, мне привычно мертвецов хоронить.

Аста в ответ руками показала качающееся дерево и летящую птицу, а потом спародировала, как звери трупы разрывают. Я от такого чуть не поперхнулся. И показал на женщину, умершую от побоев. Аста прокрутила круг и показала мне один и четыре пальца. Понятный намёк, пять тел вдвоём хоронить долго.

– *Отойди*, – я рукой отодвинул девку, намекая не мешаться под ногами. Та понятливо отпрянула в сторону, но продолжила с интересом наблюдать за моей работой у экранов.

Подобие системы наблюдения за периметром я нашёл быстро, но эта собака не хотела запускаться из-за ошибки. Что-то мешало развернуть центральный узел связи, вылезающий из земли эдаким шпилем по центру оплота. Запасные узлы, размещённые в станциях мониторинга воздуха, оказались недоступны, а резервные – отключены для экономии энергии. Врубить-то их можно, вот только до спутников на орбите всё равно не добьют, максимум – дадут сигнал на ближайшие десятки километров. Но это не поможет связаться с другими оплотами и понять, что вообще происходит. Хотя астероиды в небе ставят существование спутников под вопрос: как бы их всех не перебило камнями.

Ещё меня интересовали беспилотники, дроны, коптеры и любые летающие дополнительные глаза – это главное на «вайне», после солдатни.

Дроны нашлись практически сразу, притом и боевые. За ними, правда, шуровать в другой блок, а вот обычная моделька лежала на недавно посещённом складе.

Асту оставлять в комнате я не собирался, да и она всё поняла, когда я отстранился от экранов и кивком показал на выход. Девка прошуршала обносками в коридор, и сквозь патлы с вопросом посмотрела на меня. Слово «вправо» и жест двух раскрытых дверей всё объяснили. Но впускать её на склад я всё равно не собирался. Простенькая команда «Арт», моргнувший экранчик на ошейнике, и я со спокойным сердцем зашёл на склад, затылком чувствуя обиженный взгляд Асты. Пусть обижается сколько влезет, потенциального врага оставлять без присмотра нельзя.

Я поплутал между стеллажами, прежде чем отыскал десяток пластиковых коробочек с ручкой. Я прихватил одну, а с соседнего стеллажа, взобравшись по лестнице практически под самый верх, забрал небольшой ящик с десятками продолговатых шестигранных трубок длиною в половину ладони и с небольшой резьбой. Всё это я с лёгкостью вынес в коридор, но со следующей находкой пришлось повозиться.

Платформа метр на полтора, на гусеницах. Весит, зараза, не меньше пятидесяти килограмм. И мне повезло, что десяток таких платформ стоит на полу и их гусеницы не заблокированы. Я кое-как вытолкал первую в коридор. Слабые руки дрожали от нагрузки. Надо будет форму себе вернуть, подкачаться и витаминчики пропить, если они найдутся на складах.

– Амта насара, даса, – довольно протянула Аста. Девка руками спародировала жируху, показала, как грузит её на платформу и выкатывает в лес, где бросает на съеденье зверью.

– *Губу закатай. На жируху надо две платформы. Пошли, поможешь*.

Вскоре мы притолкали обе платформы к лифту и вернулись в комнату с рабочей панелью. Аста жестами пыталась узнать, почему мы не воспользовались платформами сразу, чтобы

перетащить трупы к лифту – но я не знал, как объяснить, что на складе хранятся незаряженные батарейки. В коптер влезает одна такая, а вот на каждую платформу их нужно десять.

– *Мы, чай барыня-сударыня, не окромясь на завалинке коровам-то хвосты крутим да под баринами спину гнём*, – я с издёвкой усмехнулся, потряся одной из батареек. – *Давно не девятнадцатый век… да и двадцать первый, кажется, давненько был… Но даже в век странных технологий и непонятных происшествий всякая приблуда без электричества не обходится*.

Аста задумчиво скосила глаза на шестигранную батарейку, посмотрела в сторону лифта с платформами и понятливо приоткрыла ротик с пухлыми губами. Аста на своей тарабарщине что-то побалакала, показав двигающуюся платформу, тыкнула на батарейку и скрестила пальцы. Я аж зааплодировал, на что девка обиженно поджала губы.

– Дуската са, – бросила она мне и ушла к столу, где плюхнулась на стул и сложила руки на груди.

– *И тебе увидеть «Нижнюю подсветку»,* – я засмеялся, на что Аста оттопырила указательный палец и несколько раз погладила его подушечкой большого пальца. – *И что это значит?*

Девка на мой вопрос лишь ехидно улыбнулась и недоумённо развела руками. Или она меня понимает, или наши коммуникации вышли на новый уровень. Я даже не знаю, что из этого хуже.

Батарейки заряжались занятно: их следовало положить на один из боковых экранчиков, на котором сразу же появилось изображение молнии в крутящейся шестерёнке. На экранчик за раз влезало шесть батареек, их полная зарядка займёт полчаса, а в ящике их тридцать.

Я решил зарядить первую группу и сразу разведку провести, а с трупами и платформами уже после разбираться. А пока на экранчике крутилась шестерёнка – я настукивал по сенсорной клавиатуре. Повторно читать о линготах и вникать в этот бред я не собирался: у меня и так «фляга свистит», ещё немного и окончательно «чердак затопит».

Если этот проект «Осирис» был создан специально, чтобы возродить человечество – то почему первый проснувшийся вообще ничего не знал? Хоть бы на стену табличку повесили со словами: *«Наш добрый друг, не переживай. Ты умер, но не умер. Прими этот факт и не свихнись. Кофеёк и пряники на столе прямо по коридору, подкрепись и беги возрождать человечество. Потому что его, как таракана, прихерачили астероиды. Ну или что-то прилетело из глубоких глубин космического космоса и анально покарало человеков»* . Ещё бы понять, что с природой случилось, но, подозреваю, подсказка содержится в астероидах, или новой структуре на Луне.

С десяток минут я переключался между различными вкладками, они калейдоскопом мельтешили на экране, даже Аста заинтересованно подошла поближе, сохраняя дистанцию в пять шагов. Ответа на свой вопрос я так и не нашёл. Зато отыскал подсказку в одной из инструкций для «Хранителя» и правилах встречи пробуждённых. Лично этого делать не стоило, как оказалось. В блоке «3-8.1-Д», на третьем этаже практически подо мной, в отдельной комнате стояли человекоподобные роботы, которые и должны приветствовать пробудившихся. В них уже заложена программа приветствия, надо только в одну клешню дать поднос со стаканчиками воды, а в другую одну из подготовленных в той же комнате табличек.

На табличке несколько изображений: как лингот просыпается, одевается и идёт по коридору к лифтам, поднимается на третий этаж и его радостно встречают другие пробудившиеся. А пока идёт к лифту – лингот может посмотреть на плакаты на стенах коридора четвёртого этажа, на них ведь всякая важная информация. А вот только никаких плакатов там не было. В коридорах было тускло и практически темно, но я не удивлюсь, что все стены в отверстиях таких же, как и около закрытых дверей. И плевать, что пробудившегося человека в огромном зале с капсулами встретит какой-то робот, а не живой человек. Главная беда в том, что на таб-

личке человек просыпается без трубок во рту и носу, а двойная клешня робота не предназначена их вытаскивать.

Больше всего прояснила другая инструкция. Если первым пробудится обычный лингот, то ему необходимо срочно пробудить специально подготовленного «Хранителя». Надо сперва убедиться, что капсулы с зелёными полосами на корпусе не повреждены, или отыскать такие целые в других залах. Их на каждый зал три, а залов шестнадцать. Надо активировать пробуждение «Хранителя» и во всём ему помогать.

– *Это хоть немного всё объясняет*, – я посмотрел на Асту. Та задумчиво заморгала, переведя взгляд с экрана на меня, и пожала плечами. Я же пальцем показал на экраны, потом на Асту, а потом показал далеко за пределы оплота. – *Вот ты смотришь за мной, наблюдаешь всякое. Ты думаешь, после такого я тебя куда-то отпущу?*

Аста пожала плечами, явно ничего не поняв. У меня аж руки устали жестами объяснять простую мысль, что она проболтается обо всём первому встречному. Девка долго таращилась на меня, прежде чем натужно втянуть в себя воздух и испуганно потрясти перед собой раскрытыми ладонями. Аста махала руками, показывая то куда-то за оплот и тыкая в трупы, обводила стены комнаты и показывала на меня, указывала на свой рот и скрещивала пальцы. Последним она показала на себя и меня и пожала руки в дружеском жесте.

– *Ничего не понял, но я не дам тебе и шанса меня подставить*, – произнёс я холодной интонацией. Аста в ответ поёжилась. Я развёл руки, показывая, что ничего уже не изменить. Потому что, действительно, слишком глупо и по-идиотски отпускать девку в «свободное плаванье».

Я отвернулся к рабочей панели, чтобы разобраться с коптером. В чемоданчике, даже больше шкатулке, лежал блескучий металлический прямоугольник толщиной с три фаланги и длиною в полторы ладони, и полностью гладкий и без единого зазора, лишь в одном из торцов шестигранная щель по размеру батарейки. Чем бы оно ни было, но названо оно *«Всепогодный манёвренный индивидуально-отрядный четырёхроторный даскалическо-автоматический аппарат дополнительного воздушного преимущества ВБПА-47СМ-Д Малёк»*. У меня аж сердечно радостно ёкнуло от осознания, какой именно сумеречный гений приложил руку к этой приблуде.

Ещё в чемоданчике лежал дополнительный экранчик-коммуникатор, тонкий и в ладонь размером. И больше ничего. Благо найденная в базе данных инструкция оказалась настолько простой, что не понять её мог только клинический идиот: только ему будет сложно воспринять простейшие картинки-схемы и видеоинструкции.

Я дождался зарядки шести батареек, заменил их новыми, взял одну готовую, «Малька» и Асту – и отправился в ангар. Опять по лестнице, потому что лифт я проверю позже: как-то не хочется в нём застрять.

С гидравлическим шипением открылась створка ангара, тёплый ветерок принёс запах земли. Я приложил батарейку к торцу коптера с шестигранной щелью. Она проскользнула внутрь, на ходу прокручиваясь и вставая в нужное положение. Внутри корпуса что-то пиликнуло. Прилагаемый к «Мальку» экран моргнул, известив о начале калибровки, а через две секунды появилась строчка о подготовке к работе.

Из гладких боков перпендикулярно корпусу высунулись четыре фрагмента, напоминающие леденец. Под их головкой пропеллеры, а откинувшиеся крышки встали сбоку пропеллеров на небольших сервоприводах, исполняя роль эдаких крыльев. Из переднего торца корпуса вылезла голова с пятёркой различных камер на настолько гибкой ножке, что та даже полностью поворачивалась назад. На всём корпусе открылись сорок восемь крохотных камер: одни направлены вбок или вверх, другие, чуть отогнувшись, смотрели по диагонали, а третьи рассматривали всё позади и впереди коптера.

Я аккуратно потряс коптер. На третье движение пропеллеры зажужжали радостной пчелой, «Малёк» оторвался от моей ладони и завис в воздухе. Аста показала на коптер, махнула куда-то за туннель, потом спародировала жируху и потыкала в потолок. Я долго думал, осмысляя жесты Асты, прежде чем настороженно показал пальцами лесенку, спародировал жируху и показал на первую ступеньку, потом показал на последнюю ступеньку и на коптер. Аста закивала.

– *Ситуация*, – я недовольно цокнул языком. Если коптеры доступны кому-то поважнее той жирухи, то как бы не оказалось, что я пристрелил людей из другого оплота. Хотя странно, что они своровали вообще всё, что только смогли, а не пробудили людей в капсулах.

Я приложил торцами терминал «Хранителя» и экранчик от коптера. Терминал предложил два варианта синхронизации: главное отображение через терминал и управление через экранчик, или всё через терминал «Хранителя». Меня устраивал первый вариант. Коптер остался висеть напротив открытой створки ангара, а я положил терминал на багажник седана. Так проще смотреть в него, и руки не нагружать. Аста какое-то время крутилась рядом с коптером, понятливо кивая, но потом подошла ко мне.

На нижних углах экрана-коммуникатора – цифровые джойстики, можно пальцами управлять коптером, а можно и командами. На экране вид с камер коптера: за ангаром тянется тускло освещённый бетонный туннель, оканчиваясь земляным выходом. Я ткнул в центр экрана, и открытая створка, туннель и выход поочерёдно подсветились зелёным, их уменьшенные изображения появились в круговой менюшке. Затем нажал на земляной выход, и вокруг него появилась своя круговая менюшка: одна стрелочка остановилась в пяти метрах от горизонтальной черты, другая за ней, а на других иконках после черты линия мельтешила зигзагом, отходила расширяющейся волной или кружилась спиралью.

С резвым жужжанием коптер умчался в туннель. Меня передёрнуло, я невольно приподнял голову – но вместо охотившегося на меня дрона увидел серый потолок ангара. Я чуть не сплюнул. Вот чего-чего, а после войны так и не смог избавиться от рефлекса выискивать рядом эту жужжащую смерть.

– *Такую бы игрушку нам, туда, «вайну ваивать»*, – вырвалось у меня, когда коптер за несколько секунд пролетел весь бетонный туннель, а теперь глазастым пауком рассматривал качающуюся листву фиолетовых и синих деревьев в лесу и высокую траву рядом с выходом. У россыпи оранжевых цветов шлёпали десятилапые суслики и порхали бабочки с пятёркой пар тонких стрекозиных крыльев. Всё это больше походило не на реальность, а на какой-то мультик. Младший сын у меня любит их смотреть, с яркими цветами и сочной картинкой, и я с ним несколько посмотрел – но, боюсь, всё вокруг меня более чем реально.

Я командой отвёл коптер чуть подальше от выхода из туннеля. И коснулся экрана терминала «Хранителя». Появилась менюшка выбора: смотреть через главную камеру; показать модель пространства, где пролетел коптер, со всеми показаниями высот, ухабами и прочим; или переключиться на сферический обзор благодаря сорока восьми мелким камерам. Это я и сделал, и развернул изображение в сторону туннеля. Оказалось, что оплот спрятан под огромным холмом, больше горушкой, поросшей густым лесом из деревьев со стволами в два обхвата рук и едко-салатовой листвой на густых кронах.

– Уртас, уртас, – испуганно пропищала Аста, тыкая пальцем в экран терминала.

– *Совсем отбитая?*

– Даскат усур-ла нэр! Даскат, даскат! – прокричала Аста, показывая на лес и с призывом смотря на меня.

– *Лететь сюда?* – я помахал ладонью в сторону терминала, как птичкой.

– Ямн, ямн, – Аста закивала и вновь показала на лес.

Мне поведение девки не понравилось. Я с предчувствием нехорошего переключился на главную камеру и давно забытыми, но такими привычными движениями пальцев взял управ-

ление дроном. Он чутко отзывался на каждое нажатие по сенсорным джойстикам, рыбой в кушерях огибая массивные деревья.

На земле тёмно-синий мох покачивал тонкими веточками-жгутиками, а густые заросли кустарников с листвой кирпичного цвета иногда стеной загораживали десятки метров между деревьями. А по широким веткам перескакивали обезьяны с синей шерстью и подобием собачьей пасти на вытянутой морде. Одни сидели в густых кронах и лакомились красными плодами, гроздями свисавшими с ветвей, а другие настороженно смотрели за полётом коптера. Вскоре он приблизился к розоватым кристаллическим столбикам правильной шестиугольной формы. Они пиками росли недалеко от центра леса и высоким забором что-то окружали.

– Арт, арт, арт, – трусливо запричитала Аста, потянув меня за рукав.

Я одёрнул девку и поднял коптер. За десятком метров глухого кристаллического забора, под ярко-салатовой кроной, свернувшись калачиком посапывало нечто длиной с два вагона поезда и высотой в четыре, с металлическим отблеском на красной шерсти, шестью когтистыми лапами, вытянутой клыкастой медвежьей мордой и мерцающими синими точками на ней.

– Арт, Ёжик! Арт! – испуганно орала Аста, остервенело дёргая меня за рукав.

Я в верхнем правом углу экрана-коммуникатора нажал на менюшку с основными командами. Высветился список кнопок, одна из них с изображением дома. На экране отобразился схематичный маршрут, который пролетел коптер. Я нажал на точку у выхода из туннеля, и коптер полетел назад, полностью повторяя весь путь.

– Это что за херня? – я показал Асте на постепенно удалявшиеся кристаллы на экране.

– Уртас! – выпалила Аста. Девка развела руки в стороны, намекая на огромные размеры медведя, и резко махнула одной рукой, показывая, как что-то крушит и это что-то разлетается мелкими ошмётками. Аста звонко похлопала по багажнику седана, вновь махнула рукой, и седан полетел в небо. Я недоверчиво прищурился, на что Аста усмехнулась и с явным намёком показала на тягач с прицепом.

Я показал на пистолет и танковую башню на прицепе и сделал вид, что стреляю из пистолета, автомата, сбрасываю с неба бомбы. После этого я показал в сторону Асты, предлагая ей рассказать план борьбы с медведем. Аста покачала головой. Она выставила кулак, изобразив им медведя, и начала подводить к нему другой кулак, который машины. Машины заметили медведя и объехали того по очень широкому кругу. А потом девка показала на пистолет, на танковое дуло, и скрестила указательные пальцы.

– *Ситуация*, – я задумчиво почесал подбородок. И тут же обрадовался одной гениальной идейке.

Я кое-как жестами объяснил Асте, что можно этого уртаса трупами выманить на недружелюбных гостей. Аста так сильно замотала головой, что умудрилась растрепать засаленные чёрные патлы, позволив на секунду рассмотреть плавные черты её лица. Аста показала, как спит, потом ткнула на рисунок шара с солнцем и полумесяцем и начала загибать и разгибать сразу все пальцы на руках, быстро и несколько раз, пока не махнула надоедливо.

– *То есть он спит очень долго и не опасен, пока спит, да?* – спросил я, сопровождая слова жестами. Аста в ответ закивала. Дальше она показала, как просыпается и начинает что-то крушить. И жрать. Жрать и жрать. И так десятки дней подряд.

– *И чё он жрёт?*

– Тусу, – могильной интонацией произнесла Аста, показав себе на грудь.

– *Ситуация*, – я удручённо цокнул. Отличный план только что был пристрелен, чтобы не мучился.

На экране терминала «Хранителя» цветастый лес и колея от колёс в высокой траве. Я решил отправить «Малька» на разведку ближайших мест, чтобы придумать новый план. У коптера есть функция, позволяющая летать кругами от заданной точки, постепенно расширяя

радиус осмотра. И только я потянулся к управлению, как по траве пронеслась вытянутая тень. Я едва успел среагировать, быстрыми движениями пальцев опустив коптер и цапнув корпусом землю.

Где секунду назад висел коптер – со свистом пронеслась огромная синяя птица с крючковатым клювом, ярко-красным хохолком и вытянутым туловищем с двумя парами массивных крыльев. Птица по широкой дуге начала заворачивать на второй заход. Я покликал на экране коммуникатора возврат на точку запуска. Коптер, визжа пропеллерами, помчался по тёмному туннелю. И завис внутри ангара ровно в тот момент, когда на земляной вход туннеля приземлилась четырёхкрылая синяя птица. Она моргнула ярко-зелёными глазами, широко распахнула клюв. И закричала голодным крокодилом.

– *Сука пернатая*, – я бросился к терминалу «Хранителя», нажав кнопку закрытия створки ангара. Сквозь шипение и лязг приводов прорвались приближавшиеся хлопки крыльев.

– *Прячься*, – я едва успел показать Асте на днище седана. В ангар влетела птица размером больше машины. Она взмыла под потолок, прочертила резкий круг. И бросилась вниз. Я едва успел прыгнуть на пол. Птица щёлкнула острым клювом рядом с моей головой, уткнулась им в пол и выбила добрый кусок бетона. И тут же поднялась в воздух для нового удара.

Я в это время лежал около трупов у днища седана и смотрел в испуганное лицо Асты. Она тяжело дышала, но сохраняла самообладание и отчаянно пыталась сообразить хоть какой-то план. Но я придумал его быстрее.

– *Пулемёт или танк*! – я показал Асте, как стреляю, и махнул в сторону крайнего седана с установленным пулемётом. – *Я отвлеку, а ты используй их*, – я сопровождал слова неуклюжими жестами. Аста поняла меня и замотала головой, тяжело задышала и попыталась что-то показать – но я отогнул три пальца. И начал их загибать. – *На счёт три. Раз. Два. Давай.*

Я отбежал от машины, махая руками и привлекая к себе птицу. Аста в это время бросилась к тягачу. И дальше, к седану. Птица заметила Асту, но я вскинул пистолет. Дуло вспыхнуло. Пули звякнули о синие перья и раскрошились на мелкие кусочки.

– *Это я зря*, – я едва успел выпалить, когда птица пригнула крылья и спикировала ко мне.

Повезло, что от седана я отбежал недалеко и успел нырнуть под его днище. Там на меня смотрели остекленевшие глаза коренастой женщины. Намотанная вокруг её головы тряпица увлажнилась, под ней на полу красная лужица. Я пожелал коренастой приятных снов и вынырнул с противоположной стороны седана. Птица как раз заворачивала под высоченным потолком.

Ударами кувалды о жесть заплевал пулемёт. Массивные пули разбивались шрапнелью осколков о синие перья. Птица забыла обо мне и устремилась к седану. Она когтистыми лапами вцепилась в бок машины. Прорезаемый когтями металл натужно скрипнул, машина покачнулась, от веса птицы подвеска продавилась до самого пола, днище с лязгом царапнуло бетон. Крючковатым клювом птица играючи вырвала лафет с пулемётом и разразилась клокочущим воем. Синие перья блеснули, птица расправила крылья перед взлётом. Но я успел прибежать вовремя. Смысла стрелять ей в перья нет, ими покрыто всё тело, кроме глаз и клюва, ступней и маленькой части голени. И клоаки.

Я с разбега подпрыгнул и ухватился за часть голени без перьев, не помещавшуюся в мою ладонь даже наполовину. И на рывке вставил этой курице-переростку пистолет в жопу. Пистолет гаркнул выстрелом, ещё, и ещё, опустошая магазин.

Птица с воплем дёрнула ногами и хлопнула крыльями. Меня отбросило, я выпустил пистолет из рук и спиной ударился об пол. Ошпаренной свиньёй птица кричала, поднимаясь к потолку, пока с глухим стуком не ударилась об него. Из синей жопы выпал пистолет. Его затворная рама в заднем положении, магазин пуст, автоматика не дала ей закрыться. Но писто-

лет ударился об пол боковой стороной как раз на рычаг затвора, и рама с щелчком встала на место.

Пистолет упал далековато, но он уже не нужен. Больше десяти мощных патронов в тушу. Притом я стрелял к сердцу.

Тварь с хлёстким хрустом рухнула на пол. Она брыкалась и кричала, кувыркалась на месте и с металлическим скрежетом царапала перьями бетон, высекая серую пыль. Но с каждым хлопком крыльев её движения угасали.

Я расслабился, затылком ощутив прохладный пол. Истошные крики птицы казались самой лучшей колыбельной. За последние несколько часов на меня свалилось столько, сколько я испытывал только на «вайне» в самые «жаркие» часы. А ещё чертовски хотелось спать.

Хлопнула дверь седана. Аста через капот посмотрела на меня, потом заметила пистолет на полу. И бросилась к нему, не обращая внимания на трепыхавшуюся птицу.

– Хальяка, – Аста подошла ко мне, крепко сжимая рукоять пистолета, и показала, как выкидывает пластиковый обруч с шеи.

– *Нет*, – я покачал головой, не отрываясь от пола. Аста нависала надо мной, её засаленные чёрные волосы ритмично покачивались от быстрого дыхания. Трепыхалась мешковатая куртка, я случайно заглянул под неё. О таком понятии, как лифчик, Аста не знала.

– Хальяка, – девка опять показала на пластиковый обруч, а затем прицелилась мне в голову, сглотнула подступивший к горлу ком. И положила палец на спусковой крючок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.